

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-146-154

АВТОРСКИЕ ОЦЕНКИ СЕСТРЫ ИМПЕРАТОРА В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»

Червоненко С. М.

*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Мытищинский филиал,
г. Мытищи, Российская Федерация*

e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

Поступила в редакцию 19.07.2024

После доработки 29.10.2024

Принята к публикации 11.11.2024

Аннотация

Цель. Через авторские оценки сестры императора раскрыть тему семьи и брака в романе-эпопее А. Н. Толстого «Пётр Первый». Рассмотреть подробно данную проблему через любовные переживания царственных особ.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Особое внимание автором статьи уделено поэтике создания образа сестры Петра Первого – царевне Наталье Алексеевне. Дается подробное и всестороннее осмысление характера героини, что не только помогает раскрыть сложный образ, но и подводит к пониманию затрагиваемых автором глобальных нравственных вопросов изменения уклада российского государства под влиянием европейских нововведений. Эта внутренняя психологическая борьба, одолевающие женскую натуру сомнения становятся прообразом внешней борьбы между старыми устоями и новыми тенденциями.

Результаты. В ходе исследования показывается, как писатель через конкретные бытовые вопросы, семейную тематику обращается к глобальным нравственно-философским проблемам столкновения восточной и западной культур и сохранения русской самобытности. Выявлены стилистические и художественные особенности, помогающие автору раскрыть полноту социальных явлений того периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование подтверждает, что семейная проблематика занимает в творчестве А. Н. Толстого далеко не последнее место. Значимость работы заключается в углубленном и конкретном осмыслении пластического воплощения заявленной темы.

Ключевые слова: любовь, нравственность, образ, патриархальность, проблема, семья, тема, уклад, характер, ценности

Для цитирования:

Червоненко С. М. Авторские оценки сестры императора в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 146–154. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-146-154>

Original research article

AUTHOR'S ASSESSMENT OF THE EMPEROR'S SISTER IN A. N. TOLSTOY'S NOVEL "PETER THE GREAT"

S. Chervonenko

*Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi branch, Mytishchi, Russian Federation
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru*

Received by the editorial office 19.07.2024

Revised by the author 29.10.2024

Accepted for publication 11.11.2024

Abstract

Aim. To reveal the theme of family and marriage in the epic novel by A. N. Tolstoy “Peter the First” through the author’s assessment of the emperor’s sister’s image. To consider this problem in detail through the love experiences of royalty.

Methodology. To reveal the topic, analytical and comparative methods of studying literary text are used. Special attention is paid to the poetics of creating the image of Peter the Great’s sister, Tsarevna Natalia Alekseevna. A detailed and comprehensive understanding of her character is given, which helps not only in revealing the complex image, but also leads to an understanding of the global moral issues raised by the author of the changes in the way of life of the Russian state under the influence of European innovations. This internal psychological struggle that overcomes the feminine nature of doubt, becomes a prototype of the external struggle between old foundations and new trends.

Results. The study shows how the writer, through specific everyday issues and family themes, addresses global moral and philosophical problems of the collision of Eastern and Western cultures and the preservation of Russian identity. The stylistic and artistic features that help the author to reveal the fullness of social phenomena of that period are revealed.

Research implications. This study confirms that family issues play an important role in A. N. Tolstoy’s work. The significance of the work lies in the in-depth and concrete comprehension of the plastic embodiment of the stated theme.

Keywords: problem, family, morality, values, image, character, love, way of life, theme, patriarchy

For citation:

Chervonenko S. M. (2025). Author’s Assessment of the Emperor’s Sister in A. N. Tolstoy’s Novel “Peter The Great”. In: *Russian Studies in Philology*, 2, pp. 146–154. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-146-154>

Введение

В современном мире тема семьи, брака, семейных отношений рассматривается в психологии, социологии и других гуманитарных научных областях, которые призваны решать появившуюся проблему, находя её истоки лишь во внешних сферах социального уклада. Но корни таких проблем, как правило, лежат глубже, в духовных и индивидуальных особенностях человеческой личности. Этим занимаются уже богословие, литература, отчасти философия, рассматривая нравственную, духовную и этическую суть вопроса. Тема семьи подразумевает не только и не столько радости любовных отношений, сколько тяжёлый внутренний духовный труд каждого из супругов. Именно этим вопросам посвящено большое количество произведений русской и зарубежной литературы. Остановимся подробно на одном из рома-

нов, создававшихся на протяжении 1920–1940-х гг. в России.

Особенности женских образов в освещении семейной тематики

Роман «Пётр Первый» – многоплановое, масштабное произведение, аналогов которому в литературе XX в. по существу нет, хотя и был замечательный прецедент в творчестве Д. С. Мережковского. Как всякий художественный текст, произведение А. Н. Толстого «способно порождать массу дополнительных смыслов ... , не всегда очевидных при первой публикации текста» [1, с. 136–137]. На первом месте, безусловно, образ Петра Первого, т. к. автор «стремится найти положительное, исторически перспективное решение проблемы народа и государства» [2, с. 48]. Государь выступает как «отеческое начало, которое в развитии своём может объединить раз-

дробленный разными враждебными силами народ» [3, с. 84]. Одной из ведущих тем, тесно связанных с преобразованиями молодого царя Петра, становится тема семьи, семейных отношений, заново формирующихся в контексте прежних духовно-нравственных традиций.

В этом отношении хотя не самое главное, но безусловно огромное значение имеют женские образы, их влияние на мужские. В этом плане особую роль играет образ царевны Натальи Алексеевны – любимой, родной по отцу и по матери сестры царя Петра Первого. Она продолжает тему несчастной судьбы царских дочерей, с одной стороны, а с другой – именно в её уста автор вкладывает рассуждения о преобразованиях царственного брата, которые коренным образом меняют не только внешнюю сторону России, но внутренние аспекты, превращая Русь именно в Российскую империю. Занимаясь культурной и театральной жизнью столицы, она видит положительные и отрицательные стороны происходящего, не осуждая брата, но и не поддаваясь соблазнам новых европейских веяний. Основопологающим становится её диалог с будущей императрицей Екатериной I, которую Пётр отправляет к своей сестре для обучения русским манерам и обычаям, чтобы она освоилась в чуждой для неё атмосфере бытовых и семейных правил.

Героиня рассуждает о нелёгкой горькой доле царских особ: «Нас замуж не выдают, в жены не берут».¹ Такая участь порождает либо полное смирение и покорность своей судьбе: «нам царевнам-девкам, сколько ни веселись – одна дорожка в монастырь»², либо «свободный» протест в разных формах его проявления. Примеры такого разнужданного поведения – царевна Софья (её пламенные отношения с князем Василием Голицыным), а также две другие сестры Петра – Машка и Катка, которые «бесят

ся без стыда»³, ведя разгульно-развратный образ жизни. Здесь Толстой затрагивал острую проблему противостояния надёжных устоев русского государства и их опасных подмен, разрушение которых ведёт к нравственному и моральному разложению, в особенности там, где нет понимания духовного смысла традиций отцов.

Каждая из героинь подвергается любовному искушению страстного чувства. Из всех царских особ лишь Наталья пытается противостоять чувственной, плотской любви, понимая её пагубное действие в незаконных отношениях. Любовь Гаврилы Бровкина, родного брата Саньки Волковой, становится своеобразным испытанием для молодой царевны.

Сама Наталья Алексеевна полностью поддерживает брата в его начинаниях. Как известно из истории, она одна из первых по европейской моде надела открытое платье, переняла многие европейские тенденции из немецкой слободы, особенно полюбила театр, развитию которого посвящала много времени: «... Не сидят же люди, как бирюки», – рассуждала она после рассказа Бровкина о парижской жизни, – «по своим дворам, умеют веселиться и других веселить, и на улицах пляшут, и комедии слушают охотно... Такое и у нас нужно завести... Тебе-то я и велю перестроить одну палату, – её присмотрела под театр».⁴

Именно с этого, казалось бы, незначительного момента, начинает зарождаться между молодыми людьми чувство. Здесь Толстой по-новому, с другого ракурса освещал тему любви и брака. Если до этого царские, да и не только, особы бездумно поддавались любовному соблазну, то в этой сюжетной линии писатель показывает двух героев, которые пытаются ему противостоять, понимая обычая и устои, которые накладывают запрет на развитие нежных отношений, диктуют недопустимость морганатического брака.

Символикой пронизан эпизод знакомства персонажей. Наталья Алексеевна ведёт героя через царские палаты. Этот путь

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 791.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 691.

становится неким символом зарождения не только нового чувства, но и новой эпохи. Герои проходят по «крутой, узкой лестнице, спускающейся в тьму»¹, а на молодых людей смотрят «чёрствые лики царей московских непримиримо сурово».² В этот момент происходит соединение не только двух сердец, но и двух эпох. В большой сводчатой палате «о четырёх приземистых столпах»³, где «в давние времена была столовая изба, где смиренный царь Михаил Фёдорович обедал с Земским Собором»⁴, теперь замышляется иное. «Здесь будет мой театр, – сказала Наталья, – с этой стороны поставишь для комедиантов помост с занавесом и площадками, а здесь – для смотрельщиков – скамьи. Своды надо расписать нарядно, чтобы уж забава была – так забава...»⁵ Здесь можно отметить, что в манере изображения героев Толстой продолжал традицию классической литературы XIX в. В этом эпизоде писатель, подобно И. С. Тургеневу, выступал мастером в «создании психологического портрета путём не прямого изображения внутреннего процесса, а косвенного, через отдельные штрихи и внешние проявления» [4, с. 26].

Автор исподволь показывает, как на месте старых устоев появляется «забава». «Развлечение, игра, потеха; несерьёзное занятие, пустое времяпрепровождение», если посмотреть значение этого слова⁶ – вот что приходит на смену суровой старине. Но Толстой здесь ни в коем случае не идеализировал старые времена, осуждая всё новое, но, наоборот, приветствовал борьбу с отсталостью предков. Автору был важен максимально многосторонний, эпический, «полифонический» подход к изображению петровской эпохи, поэтому он

всесторонне разрабатывал каждый образ, каждую ситуацию и каждую проблему.

Проблема столкновения европейских тенденций и исконных российских устоев

Повествователем даётся объективное описание постепенного разрушения не только внешней стороны, старых хором, но и внутренней составляющей человеческих характеров. Как уже было сказано, именно в этом эпизоде между героями начинается зарождаться чувство любви. Толстой здесь выступал как исключительно тонкий психолог. Замечательно описание естественного страха царевны на крутой и тёмной лестнице: «Наталья Алексеевна заробела, просунула голую руку под локоть Гавриле»⁷, что становится предвестником страха новых отношений. Но автор не романтизирует их чувств. Наоборот, уже с первых строк даётся устрашающее описание: вслед героям смотрят «непримиримо суровые»⁸ лики московских царей.

Таким образом, звучит некое предостережение о новых временах и героям, и читателям, заново переживающим «новизну». Эта тема предостережения для молодого поколения проходит лейтмотивом через всё повествование. Оба героя стоят на пороге духовного разложения. Любовное влечение тянет их в тартарары. Толстой выбирал именно это внушающее страх своим значением существительное. Мифологический эпос даёт разъяснение данному слову – это место ниже ада, самая бездна, т. е. царевна Наталья увлекает себя и молодого Гаврилу в самую бездну, откуда нет выхода.

Дополняет зловещую картину и сам герой «в рогатом, как у черта, парике».⁹ Толстой использовал приём контраста, создал яркий образ молодого человека петровской эпохи. Опытный писатель умел пробудить «у читателя ощущения цвета,

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 691.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 692.

⁶ Забава // Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альт-Принт, 2007. С. 225.

⁷ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 691.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

облика, звука, движения или любое иное чувство» [5, с. 296], мастерски создал исключительно противоречивый образ персонажа и дал ему имя Гавриила, которое отсылает к архангелу Гавриилу, принёсшему благую весть Пресвятой Богородице, но его внешний облик напоминает нам сатану. Этими крайними противоположностями в описании героя автор намекал на внутреннюю борьбу, которая происходит в душе молодого Бровкина в результате любовной страсти к царевне Наталье.

Но А. Н. Толстой не остановился только на любовной проблематике, затрагивающей, казалось бы, второстепенных и третьестепенных конкретных персонажей. Через раскрытие данной темы писатель вышел на более глобальные перемены на историческом пути – постепенное падение человеческих нравов вследствие отказа от проверенных веками устоев древности. Поэтому Толстой использует разработанную модернистской литературой метаморфозу-преображение ангела в сатану (подобно Леониду Андрееву в романе «Дневник сатаны»). В этом ключе тартар, в который увлекает Гаврилу героиня, осмысливается уже с библейской, ветхозаветной точки зрения. Если взять христианскую составляющую данного понятия, в тартар были отправлены падшие ангелы. Именно такой духовно-нравственный путь предупреждающе угрожает герою. На это указывает и синтаксический строй предложения, ряд однородных членов: Наталья увлекает «и себя, и этого юношу ... и всю заветную старину московскую».¹ В этих нескольких словах автор вновь и вновь обращался к теме духовных и нравственных истоков, хранительницей которых испокон веков была Русь и которые ломались преобразованиями Петра Первого. Здесь Толстой затрагивает не только тему личных отношений героев, но и влияние царевны как покровительницы искусства,

театра на моральный облик формирующегося общества.

В этом глубоком по содержанию эпизоде можно провести также аллюзии с темой грехопадения Адама и Евы. Как Ева увлекла Адама, так и царевна Наталья, сама того не подозревая, увлекает Гаврилу в адское пламя любовных страстей. Используемый автором глагол *увлекает* принимает не только значение «увести куда-нибудь»², но и «пленить».³ Молодые люди попадают в плен своих чувств, за которыми просматривается плен новых веяний. А возможное нравственное падение героев угрожает нравственным разложением общества в целом.

В этом ракурсе особое значение приобретает лестница, по которой шествуют Наталья и Гаврила. Зарождение такого романтического чувства должно возвышать человека, а здесь, наоборот, герои спускаются во тьму; Гаврилу даже начинает «мелко знобить внутри, и голос стал глухой»⁴ [6, с. 691], что больше напоминает симптомы начала заболевания, а не любовного чувства. Всё это придаёт зловещий оттенок уже в начале сближения героев.

Рассуждения-пояснения Толстой приво-дил позже в диалоге Натальи и Катерины. В этой сцене образ героини-сестры раскрывается всесторонне. Из всех женских персонажей именно Наталья понимает и даёт определение нелёгкой женской судьбе царских особ, поясняет запрет на их желание любить и быть любимыми, стремление к созданию семьи, преграды на пути к простому женскому счастью, которого они лишены в силу своего положения и статуса. В героине нет надрывности, острого протеста, как в царевне Софье, которая тоже прекрасно понимает горькую участь сдержанности, или, наоборот, бесстыдства, как в сёстрах от брака Алексея Михайловича с

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 691.

² Увлечь // Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альт-Принт, 2007. С. 1091.

³ Там же.

⁴ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 691.

царицей из рода Милославских – Машке и Катке. Наталья подчиняется установленному порядку вещей, на её тоску и переживания намекает лишь ленивый дождь, сопровождающий весь диалог. Сама природа сочувствует и «как будто вступает в контакт с художником» [6, с. 72] и читателем, «подчиняя себе поэтический темперамент» [6, с. 72] повествования.

Но это отнюдь не значит, что царевна изливает душу перед будущей императрицей, сетует на судьбу. Её царская гордость не терпит даже вздоха сожаления собеседницы: «Неужели никто этого не целовал? Вот горько-то!» – и едва слышно вздохнула. Наталья всё же услышала этот вздох, строптиво повела плечом...¹ Она не нуждается в жалости и сочувствии, с царским достоинством принимая свою участь.

Далее Толстой уже с другой стороны показывает влияние старозаветных устоев на судьбы героинь. Трагические последствия запретов – муки и страдания, выпадающие на женскую долю: «По-старозаветному – всё грех, что ты женщина – и то грех, – со суд дьявола, адовы врата...»², – рассуждает Наталья Алексеевна. Поэтому изменения в любовной сфере, появившиеся вместе с новым европейскими веяниями, принимаются как отдушину: «А по-нашему, по-новому: амур прелестный прилетел и пронзил стрелой...»³, – продолжает Наталья. Но такое оправдание любовных приключений ведёт к неминуемому упадку нравов. Царевна это понимает, она видит проблему широко и не осуждает ни своих духовно слабых сестёр, их разгульный образ жизни, ни царевну Софью, безраздельно отдавшуюся любовной страсти с князем Голицыным. Эти объяснения для будущей императрицы становятся ключом к пониманию непростой ситуации, сложившейся в частных и гражданских отношениях между русскими людьми.

Через монолог-исповедь своей героини Толстой изображал внутренние нестроения в семейной сфере, которые сказываются на всей жизни общества. Поэтому уже в эпизоде с Гаврилой, когда герои идут по царским хоромам, Толстой продолжал ряд однородных членов: Наталья увлекает себя, Гаврилу «и всю заветную старину московскую».⁴

При изображении этой пары влюблённых Толстой обнажил внутреннюю силу героев. Оба испытывают горячее чувство, но не поддаются ему, хотя переживают тяжёлые муки и страдают. Гаврила не решается признаться в любви царевне, глаза при виде её темнеют, он говорит, «будто задыхается»⁵, а лицо любимой при встрече «вспыхнуло, всё задрожало, засияли глаза, раскрылись губы...»⁶ Искренность их чувств Толстой изображает в трогательных тонах, приводит аналогию со сказкой «про царевну Несравненную Красоту...»⁷ Но главное в их чувствах определяет испуг, который переживает Гаврила. Это существование становится ключевым в понимании чувств героев. Они боятся полностью отдаться своему влечению, понимая разницу в положении, но самое главное – они сохранили в себе старозаветный стержень, который удерживает их, не даёт переступить черту. В героине он заложен изначально, а Гаврилу удерживают наставления отца: «Одно скажу, одно, Гаврюшка, – близко огня ходишь, поостерегись...»⁸

Именно старшее поколение отцов становится предостережением для молодых. Огонь становится олицетворением пламенной страсти, которая поглощает человека, в конце концов может привести к гибели, полному духовному унижению личности.

Кульминацией этих отношений становится театральное представление, устроенное Натальей Алексеевной. Бесполезность сопротивления захватившему героев чув-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 789.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 691.

⁵ Там же. С. 792.

⁶ Там же. С. 789.

⁷ Там же. С. 793.

⁸ Там же. С. 692.

ству вложена в маленький отрывок из «греческой» пьесы, разыгрываемой участниками:

...Спокоя лишился, ниже лекарства не знаю,
Огонь чрево гложет, жажду, ничем не напьюся,
Ах, напрасно я, бедный, с любовью борюсь...
Увы, даже боги бывают злым Купидо побиты,
У кого же людям искать от сего защиты?
Не лучше ли веселиться! Печаль оставим,
Стрелы отравлены сладким вином восславим...¹

Блестящая толстовская стилизация под поэзию XVIII в. становится олицетворением отношений героев, их страданий и переживаний. Героиня выбирает постановку древнегреческой пьесы – это не только дань времени, автор шёл глубже, показывая надрывность нагрянувшего чувства, когда любовное томление лишает покоя и, как огонь, сжигает изнутри, приводя к гибели, т. к. стрелы «Купидо» отравлены. Да и самому амуру выделено в роли характеристики лишь одно прилагательное – злой. Несмотря на очарование наивных строк, Толстой именно через них даёт читателю ощутить мучительность влечения, от которого нет лекарства и которое способно отвести героев от православной традиции целомудрия воздержания, от духовных истоков, сделать их игрушкой страстей. Силу такого чувства писатель показывает в царице.

Оно вполне проявляется во вспышке ревности Натальи Алексеевны, когда Гаврила танцует с Екатериной. Лицо начинает улыбаться «по-иному, невесело, без прежнего сияния в глазах...»², а затем и вовсе становится суровым, «со сжатыми, как от боли, зубами».³ Сама сцена объяснения дана очень скупой и сжатой, нет страстных признаний и излишних, оба героя предельно лаконичны. Наталья пытается оттолкнуть, прогнать возлюбленно-

го – старозаветное воспитание даёт о себе знать. Но и Гаврила даже в порыве страсти не даёт воли своим чувствам, боясь своим признанием оскорбить царственную возлюбленную. С его губ срывается лишь: «... Знала бы ты... Знала бы ты!»⁴ Сама пунктуация говорит о тех чувствах, которые он переживает. После первой фразы стоит многоточие – в этой паузе заложено само признание в любви. А после второй – как подтверждение искренности и силы чувства крик исстрадавшейся души – восклицательный знак.

А. Толстой не дал развития этой сюжетной линии. Последняя реплика царицы Натальи: «Нет, нет, иди, иди...»⁵, – обрывает повествование о влюблённых. За многоточием читатель уже сам волен додумывать развитие или разрыв этих отношений. Писатель делал это намеренно, с одной стороны, чтобы сохранить интригу и остросюжетность, а с другой, более важной, – автор не преследовал цели создать любовный роман. Для него гораздо важнее изобразить жизнь петровской эпохи во всех её проявлениях, со всех ракурсов, осветить темы и поворотные испытания того времени, даже в таких, казалось бы, частных эпизодах столь масштабного произведения.

Как и многих современников «переломных эпох истории» [7, с. 142], Толстого «занимали и волновали вопросы народного характера, народной души» [7, с. 147], поэтому в самом писателе жило искреннее желание «разобраться в современности, в закономерностях развития общества, понять события революции в цепи многовековой истории родной страны, обратившись к опыту сходных, на его взгляд, эпох» [8, с. 382].

Заключение

В художественной системе романа основное значение имеют женские образы, их влияние на мужские. Толстой выстраивал сложнейшие сюжетные линии, переплетал судьбы героев, жизненные ситуа-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 796.

² Там же. С. 797.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 798.

⁵ Там же.

ции, вводил в ткань повествования ранее не рассматривавшиеся историками и писателями образы и характеры, которые по-новому раскрывают актуализированные в XX в. темы и проблемы, уходящие истоками в двухсотлетнюю древность. На прозаическом полотне постоянно появляются те или иные, порой даже эпизодические персонажи, которые несут, однако, большую смысловую нагрузку и помогают в раскрытии темы семейных отношений и общенационального уклада.

Таким образом, выделенный нами сюжетно-композиционный аспект не только обусловлен авторскими психологическими наблюдениями над характерами женских персонажей, нравственными и социальными барьерами на пути влюблённых, но и служит раскрытию глобальных во-

просов, составляющих идейный стержень романа-эпопеи.

А. Н. Толстой в своём многоплановом произведении глубоко вскрыл и ярко высветил внутренние связи между политическими, духовными, семейными, индивидуально-психологическими гранями преобразуемого Петром Первым патриархального уклада русской жизни в её взаимодействии со всемирно-историческими процессами. В живой художественной конкретности, предлагая тонкие аксиологические штрихи, автор показал столкновение плодотворных и порочных европейских тенденций и сложных, подвергнутых давлению со стороны власти, но жизнеспособных национальных традиций, продолжающих определять суть событий и в новых обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плешкова О. И. Аудиовизуальная трансформация сказочных образов А. Н. Толстого в аспекте литературной теории Ю. Н. Тынянова // Алексей Толстой: диалоги со временем. Вып. 3. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2019. С. 135–143.
2. Скобелев В. П. Драматургия А. Н. Толстого. М.: Художественная литература, 1986. 589 с.
3. Моторин А. В. Достоевский о русском самодержавии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 81–88. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88
4. Шаталова О. В. «Гаммы любви» в языковом пространстве повести И. С. Тургенева «Ася» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 5. С. 24–32. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-25-32
5. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 448 с.
6. Алексеева Л. Ф. Поэзия И. А. Бунина в творческом восприятии В. А. Сумбатова: Поэма «Листопад» и стихотворение «Тризна (Памяти Бунина)» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 68–75. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-68-75
7. Щелокова О. В. Публицистика А. Н. Толстого: онтологический аспект // Алексей Толстой: диалоги со временем. Вып. 3. М.: Институт мировой литературы им. Горького, 2019. С. 144–152.
8. Щербина В. Р. А. Н. Толстой: творческий путь. М.: Советский писатель, 1956. 620 с.

REFERENCES

1. Pleshkova, O. I. (2019). Audiovisual transformation of fairy-tale images by A. N. Tolstoy in the aspect of literary theory by Yu. N. Tynyanov. In: *Alexey Tolstoy: dialogues with time*, 3. Moscow: Gorky Institute of World Literature Publ., 135–143 (in Russ.).
2. Skobelev, V. P. (1986). *Dramaturgy of A. N. Tolstoy*. Moscow: Fiction Publ. (in Russ.).
3. Motorin, A. V. (2021). Dostoevsky on Russian autocracy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 81–88. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88 (in Russ.).
4. Shatalova, O. V. (2023). “Scales of First Love” in the Linguistic Space of the Novel by I. S. Turgenev “Asya”. In: *Russian Studies in Philology*, 5, 24–32. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-25-32 (in Russ.).
5. Nabokov, V. V. (2014). *Lectures on Russian Literature*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. (in Russ.).
6. Alekseeva, L. F. (2020). Poetry of I. Bunin in the creative perception of V. Sumbatov: the poem “Listopad” and the poem “Trizna (In Memory of Bunin).” In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series:*

Russian Philology, 4, 68–75. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-68-75 (in Russ.).

7. Shchelokova, O. V. (2019). Publicism of A. N. Tolstoy: ontological aspect. In: *Alexey Tolstoy: dialogues with time*, 3. Moscow: Gorky Institute of World Literature Publ., 144–152 (in Russ.).
8. Shcherbina, V. R. (1956). *A. N. Tolstoy: creative path*. Moscow, Soviet writer Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна (г. Мытищи) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики Мытищинского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko (Mytishchi) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Linguistics, Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi Branch;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru